

Literatura

1. Akishina A.A., Formanovskaya N.I. Russkij rechevoj etiket: uchebnoe posobie dlya studentov-inostrantsev. 3-e izd., ispr. M.: Russkij yazyk, 1983.
2. Balakaj A.G. Slovar' russkogo rechevogo etiketa. 2-e izd., ispr. i dop. M.: AST-Press, 2001. 672 s.
3. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech' // Sobr. soch.: v 6 t. T. 2. M.: Pedagogika, 1982. 302 s.
4. Gabdreeva N.V. Russkij rechevoj etiket i neverbal'naya kommunikatsiya v prepodavanii RKI // Bi-, poli-, translingvizm i yazykovoje obrazovanie: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii pod egidoy MAPRYaL. M.: Rossijskij universitet druzhby narodov, 2018. S. 395–400.
5. Zhokhova L.A. Obuchenie russkomu rechevomu etiketu studentov polietnicheskikh grupp neyazykovykh vuzov v aspekte mezhkul'turnoj kommunikatsii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2005.
6. Lesko A.V., Gorelova A.A., Degtyareva E.V. Model' rechevogo etiketa v ramkakh osvoeniya kommunikativnoj kul'tury // Novaya nauka: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya. Ufa: Agentstvo mezhdunarodnykh issledovanij, 2016. S. 141–143.
7. Rechevoj etiket. URL: <https://etikket.ru/rechevoj-etiket/russian-speech-etiquette.html> (data obrashcheniya: 17.01.2020).
8. Rechevoj etiket. Pravila etiketa. Osnovnye pravila rechevogo etiketa v razlichnykh rechevykh situatsiyakh: primery. URL: <https://fb.ru/article/248491/rechevoy-etiket-pravila-etiketa-osnovnyie-pravila-rechevogo-etiketa-v-razlichnyih-rechevyih-situatsiyah-primeryi> (data obrashcheniya: 18.01.2020).
9. Sternin I.A. Prakticheskaya ritorika: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenij. 5-e izd., ster. M.: Akademiya, 2008. 272 s.
10. Formanovskaya N.I. Rechevoj etiket i kul'tura obshcheniya. M.: Vysshaya shkola, 1989.
11. Chizhova M.E. Spetsifika reprezentatsii kontsepta v rechevom etikete (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2012. T. 12, vyp. 1. S. 46–49.

DOI: 10.25586/RNUV925X.20.02.P090

УДК 811.161.1

А.А. Кунькова

ФРЕЙМОВО-ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕННЫХ
КОМПОЗИТОВ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Анализируется фреймово-пропозициональная организация производных слов в «Повести временных лет». Рассматриваются образованные путем сложения именные дериваты, эксплицирующие иерархически организованные структуры знания. Ставится задача выявить базисные фреймово-пропозициональные структуры и проанализировать их компоненты, структурирующие представления средневекового человека об окружающем мире. Используется статистический метод для выявления группы именных композитов, а также дескриптивно-аналитический метод для описания их фреймово-пропозициональной структуры. Делается вывод об особенностях структурной организации именных композитов и о влиянии данного словообразовательного способа на развитие мысли древнего славянина.

Ключевые слова: словосложение, композит, событийная пропозиция, логическая пропозиция, лексико-семантический вариант, фреймово-пропозициональная структура.

А.А. Kun'kova

 FRAME-PROPOSITIONAL ANALYSIS OF NOMINAL COMPOSITES
 IN "THE TALE OF BYGONE YEARS"

The frame-propositional organization of derivative words in "The Tale of Bygone Years" is analyzed. The derivatives formed by addition are considered, explicating hierarchically organized structures of knowledge. The task is to identify the basic frame-propositional structures and analyze their components, structuring the representations of the medieval man about the world. A statistical method is used to identify a group of registered composites, as well as a descriptive-analytical method to describe their frame-propositional structure. The conclusion is drawn about the structural features of the registered composites and the influence of this word-formation method on the development of thought of the ancient Slavs.

Keywords: compounding, composite, eventive proposition, logical proposition, lexical-semantic variant, frame-propositional structure.

Введение

Предлагаемая работа посвящена анализу двукорневых именных сложений в «Повести временных лет» (ПВЛ) [13] в аспекте фреймово-пропозициональной организации. Такой тип синхронного анализа дериватов в памятнике древнерусского языка (ДРЯ) определяет новизну исследования, выполненного в русле когнитивного словообразования, и представляется актуальным по ряду причин.

К настоящему времени когнитивное словообразование закрепило за производным словом статус иерархически организованной структуры представления знаний. В отечественном языкознании эта тенденция наметилась еще во второй половине XX в., когда производное слово стало рассматриваться как единица, основанная на такой же структурно-логической схеме, что и предложение. Н.Д. Арутюнова, говоря «об однородности номинативной функции, выполняемой словом, и номинативной функции, выполняемой предложением» [2, с. 64], выдвинула положение о пропозициональной природе их структурного содержания. А Л.В. Сахарный впервые сформулировал мысль о «син-

таксичности» словообразовательных процессов», которая «мыслится как универсальное, фундаментальное свойство, определяющее характер и типологию словообразовательных процессов и в итоге структуру производных слов» [14, с. 7]. В настоящее время пропозициональность рассматривается как способ организации языка вообще и как «смысловая основа языковых единиц всех уровней» [17, с. 167], а «способность производного слова объективировать пропозициональные структуры характеризует дериват как особую когнитивно-дискурсивную структуру» [10, с. 394].

Таким образом, анализ пропозициональной составляющей именных композитов позволяет определить «глубинную, смысловую характеристику производного слова... сопровождаемую вычленением того компонента пропозиции, который непосредственно используется для создания производного» [17, с. 167–168]. Здесь имеется в виду «семантическое ядро сложения» [15, с. 193] (которым часто является второй компонент, представляющий именную или глагольную основу [Там же]). Принимая во внимание, что с точки зре-

ния семантического синтаксиса пропозиции могут быть событийными («портретирующими» действительность) или логическими (результат умственных операций с абстрактными понятиями) [16], анализ типов свернутых пропозиций позволит сделать вывод о степени развития абстрактного мышления древнего славянина.

В когнитивном словообразовании производные слова представляют собой не только «единицы, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире» [8, с. 70], но и единицы, «порождающие концептуальный и языковой мир знания» [Там же]; согласно Е.С. Кубряковой, производное слово следует рассматривать как «единицу хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания» [10, с. 393]. В этом определении усматривается родственность структуры композита со структурой фрейма в трактовке одного из основоположников теории фреймов М. Минского: «... человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» [11, с. 7]. Т.А. ван Дейк, развивая эту мысль, сближает фрейм с концептом, говоря, что «общее “знание” организовано в концептуальные системы», которые «можно описать в терминах фреймов» [6, с. 16]. При этом он подчеркивает универсальность этих структур, говоря, что фреймы «представляют собой структуры знаний и имеют общую и иногда стереотипную природу» [Там же, с. 49]. На этой почве, очевидно, возникло положение о концепте-фрейме А.П. Бабушкина, где «фрейм – это пресуппозиционная модель, т.е. человек воспринимает

ту или иную языковую структуру как фрейм, если он владеет знаниями о реалии, обозначенной словом, если ему известна последовательность событий, которые его ожидают в рамках конкретной ситуации» [3, с. 83]. На взаимообусловленность деривата и фреймовой структуры представления знаний обращает внимание И.В. Евсеева: «Такие структуры представления знаний, как фреймы и... слоты, могут быть представлены в виде совокупности пропозициональных структур... которые являются наиболее общей формой представления знаний... Ее преимущество в том, что она позволяет взглянуть на пропозицию двояко – и как на способ языковой кодировки информации и как на целостную мыслительную субъектно-предикатную структуру» [7, с. 88]. Опираясь на указанные представления о структурной близости дериватов и фреймов, представляется возможным осуществить фреймово-пропозиционный анализ сложных двукорневых дериватов с целью получить доступ к встроенным в них концептуальным областям, выявить структуры представления знания (семантику структурных схем производных слов) и сделать общий вывод о «культурной картине мира» [4, с. 5] древних славян.

*Фреймово-пропозициональная структура
композитов поля деятеля, действия
и предмета*

В отечественном языкознании словосложение в ДРЯ относят к одному из продуктивных словообразовательных средств, «участвующему в формировании наиболее важных семантических сфер русского макрокосма» [9, с. 85], несмотря, однако, на то что значительное количество композитов возникло в результате пересечения восточнославянских языковых особенностей и калькирования германских и в еще

большей степени греческих композитов [12; 15]. Отмечается, что большинство сложных слов, будучи «искусственными образованиями» [8], служило «выразительными языковыми формами, придающими повествованию особую возвышенность и образность» [9, с. 97], и особенно широко было представлено в текстах религиозного содержания. В связи с этим ПВД отличается существенным разнообразием и количеством сложных дериватов подобной тематики [Там же].

Именные композиты составляют в ПВД 8% от общего количества именных дериватов (около 60 лексем, а с учетом словоформ – более 180 единиц). Самыми частотными являются *Богородица* (38), *черноризец* (22), *благословенье* (13), *воевода* (13), *иноплеменики* (13), *благодать* (8), *полудень* (6), *Вседержитель* (4), *полунощье* (4). Все сложения распределяются между полем деятеля (30%), полем действия/состояния (29%) и полем предмета/опредмеченного действия (13%).

Раскрывая фреймово-пропозициональную структуру (ФПС) композитов поля деятеля, мы обнаруживаем, что событийные (СП) и логические пропозиции (ЛП) находятся в соотношении 76 к 24%. Среди СП, которые «портретируют» действительность – происходящие в них события с их участниками» [16, с. 12], обнаруживаются СП действия, которые строятся по схеме «субъект (агенс) – предикат – предмет (объект/абстрактное понятие)». ЛП, которые «представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [Там же], в поле деятеля представлены качественной пропозицией характеристики, имеющей схему «субъект (агенс) – наречный/местоименный/адъективный/субстантивный предикат».

Согласно Л.А. Араевой и И.В. Евсеевой, «следует различать семантику словообразовательной схемы... и семантическую структуру лексико-семантического варианта» [1, с. 146–147], так как «в каждом лексико-семантическом варианте формируется нечто... более конкретное, чем значение его образца» [Там же]. В ПВД структурная схема СП, обозначающая субъекта по действию и состоянию, реализует ряд лексико-семантических вариантов (ЛСВ), обусловленных вторым (ядерным) компонентом сложного слова, несущим «основную смысловую нагрузку» [9, с. 88] и в большинстве случаев являющимся deverbativом:

1. Тот, кто (регулярно) делает что-то предосудительное (5): *прелюбодѣйчичь*, *прелюбодѣица*, *убийстводѣищи*, *злодѣй*, *любодѣица*.

2. Тот, кто выполняет какую-то функцию (3): *рыболове*, *лѣтописець*, *воевода*.

3. Тот, кто любит что-то предосудительное (1): *враждолюбьца*.

4. Тот, кто любит что-то/кого-то в соответствии с заповедями (1): *человѣколюбьца*.

5. Тот, кто борется с чем-то (= выступает против религиозных верований) (2): *иконоборци*, *духоборьца*.

6. Тот, кто терпит испытания (1): *страстотерпца*.

7. Тот, кто держит в своих руках что-то (= управляет чем-то) (2): *Вседержитель*, *миродержьца*.

8. Тот, кто совершает/совершил предосудительный поступок (= нарушил правила) (2): *женолюбьца*, *законопреступником*.

9. Тот, кто служит недостойному объекту (1): *кумирослужебници*.

10. Тот, кто не воспринимает что-то (= не верит в Бога) (1): *невѣголось*.

11. Тот, у кого болит что-то (= кто заботится о ком-то) (1): *сердоболем*.

12. Тот, кто дает что-то (= дает миру свет жизни/знания) (1): *Свьтодавицю*.

13. Та, которая рождает кого-то (= дает миру Бога) (1): *Богородица*.

Структурная схема ЛП, обозначающая субъекта по его качеству, реализует следующие ЛСВ:

1. Тот, кто осуществляет власть каким-либо образом (2): *самовластець, самодержьцем*.

2. Тот, кто видит каким-либо образом (= свидетель) (1): *самовидець*.

3. Тот, кто действует каким-либо образом (1): *скоропица*.

4. Тот, кто верит каким-либо образом (1): *единовѣрникъ*.

5. Тот, кто «не такой» (принадлежит к другой группе) (1): *иноплеменики*.

6. Тот, кто является цесарем для всех (= социальный статус) (1): *Всецесаря*.

7. Тот, кто носит черные ризы (= является монахом) (1): *черноризець*.

Таким образом, в поле деятеля представлены композиты *Nomina agentis*, которые наделяют семантику деятеля разными оттенками смысла не только в разных ЛСВ, но и внутри них. Во-первых, очевидна дихотомия части дериватов по признаку «греховное (языческое или отступническое) – праведное (христианское)», что придает им статус особой значимости, так как наличие между словами синонимических и антонимических отношений «свидетельствует о важности выражаемых ими понятий» [9, с. 89]. При другом угле рассмотрения семантика композитов поля деятеля оказывается втянутой в реализацию триады «Бог – человек – дьявол», где каждый субъект представлен набором экспрессивно окрашенных синонимов или аналогов: *Вседержитель, Всецесаря, чловѣколюбець, Свьтодавицю* (Бог) – *прелюбодѣйчичь, женолюбець, духоборьца* (человек, одержимый дьяволом) и др. В соответствии с христи-

анским мировоззрением человек получает наименования, чаще отражающие его греховность или – редко – имеющие нейтральную коннотацию, когда речь идет о сфере его деятельности. Во-вторых, семантика многих композитов основана на метафорическом переносе (*Вседержитель, миродержьця, законопреступником, невѣголось, сердободем, Свьтодавицю, самодержьце* и др.) или метонимическом (*черноризець*), что говорит об их полипропозитивной организации, в которой «вычленение пропозициональных структур... может быть затруднительным» [1, с. 147], а «заключительная пропозиция носит собственно ментальный характер» [17, с. 175]: например, *сердободем* – 1) болезнь сердца сопровождается острыми болезненными ощущениями (физическими), 2) переживания за близких сопровождаются острыми «болезненными» ощущениями (умозрительными), 3) родственники – люди, которые постоянно испытывают острые болезненные переживания за своих близких. (Особого внимания заслуживает слово *черноризець*, из которого, благодаря метафорическому переносу по названию и признакам одежды, мы делаем выводы о социальном статусе субъекта, что говорит о сложной системе культурных знаний и развитием мышления средневекового человека).

Присутствие СП и ЛП в ФПС композитов поля деятельности выражается в соотношении 56 к 44%. СП представлены бытийной пропозицией (предикат – предмет), пропозициями действия (субъект (агенс) – предикат – предмет (объект/абстрактное понятие)) и состояния (субъект (агенс) – предикат). ЛП представлены пропозицией качественной характеристики (субъект (агенс) – адъективный предикат). В поле деятельности СП реализуют следующие ЛСВ:

1. Существует любовь к кому-то (3): *братолюбьемь/братолюбьствь, челоувьколюбью*.

2. Некто делает что-то предосудительное (2): *прелюбодтъянье, чародтъйство*.

3. Существует ненависть к кому-то (1): *братоненавидтънье*.

4. Некто служит кому-то вопреки христианским верованиям (1): *бтьсслуженье*.

5. Некто тратит какой-то ресурс (= воует) (1): *кровопролитье*.

6. Некто создает что-то предосудительное (1): *кумиротворенью*.

ЛП, обозначающие субъект по его качеству, реализуют следующие ЛСВ:

1. Внутреннее качество, наделенное признаком (3): *благочестию, високоумьемь, добродтътели*.

2. Внешнее действие, направленное на субъекта, которое характеризуется каким-либо признаком (2): *Благовтъщенье, благодать*.

3. Внешняя среда, характеризующаяся каким-либо признаком (1): *благоуханья*.

4. Речь (как действие), наделенная признаком (1): *срамословье*.

В поле деятельности представлены композиты *Nomina actionis*, *Nomina abstracta* и *Nomina qualitatis* с различной смысловой окраской. Во-первых, большинство дериватов имеют отвлеченную семантику и выступают с обобщенным «терминологизированным» [9, с. 87] значением действия, на фоне чего дополнительно развивается качественная семантика, так как в этих дериватах всегда эксплицируется оценка действия (с христианской точки зрения). Это позволяет предположить, что в поле деятельности намечаются тенденции к формированию обобщающих (специализирующих) понятий, которые получают свое развитие только с появлением научного дискурса, в котором уровень абстрактности максимален. Во-вторых, отдельные

композиты находятся в отношениях антонимии и синонимии (*братолюбьемь/челоувьколюбью* – *братоненавидтънье*), что свидетельствует о смысловой значимости композитов поля деятельности. В-третьих, наблюдается ряд полипропозитивных композитов с метафорической семантикой (*братолюбьемь* – любовь к ближнему, *високоумьемь* – гордость и др.) или метонимической (*кровопролитье* – массовое истребление людей).

Поле предмета (опредмеченного действия) представлено в ПВА наименьшим количеством композитов, где СП преобладают над ЛП. СП представлены пропозициями действия и состояния, имеющими структурные схемы «субъект (агенса) – предикат – предмет (объект)» и «субъект – наречный предикат». ЛП представлены пропозицией качественной характеристики, реализованной в схеме «субъект – адъективный предикат». СП поля предмета реализуют следующие ЛСВ:

1. Что-то является дискретным объектом/сущностью (5): *полугривнь, полуденье, полуночь, полдне, полунощи*.

2. Некто выполняет какую-то функцию (1): *лътписаньи*.

3. Некто руководит кем-то (1): *воеводъство*.

4. Некто отпускает что-то (= отказывается от чего-то) (1): *мясопуст*.

В ЛП поля предмета реализуется один ЛСВ:

1. Речь (как действие), наделенная признаком (1): *благословенье*.

В поле предмета представлены композиты *Nomina abstracta* религиозной тематики (*мясопуст* – неделя до или после поста, *благословенье* – напутствие, одобрение), которые приобретают конкретизированное значение, композиты *Nomina loci* (*воеводъство* – территория, *полуденье/полуночь* – южные/северные страны) и *No-*

mina pasientis (*полугривнь, лѣтописань*), оторванные от религиозного контекста, что, как и в поле деятеля, демонстрирует развитие семантики композитов. Интересен дериват *мясопуст*, семантика которого основана на метонимическом переносе и распространяется на продукты животного происхождения.

Если говорить о семантике основ композитов в ДРЯ, семантическим ядром сложения являются вторые компоненты, которые несут «основную смысловую нагрузку» и «определяют категориальное значение слова в целом» [9, с. 88]. Первые же компоненты уточняют значения вторых [15, с. 191] и «часто являются обозначениями ключевых для средневековой культуры понятий» [8]. В ПВА продуктивными вторыми основами являются -дѣј-/-дѣ- (8), -люб- (6), -пис- (3), -держ- (3); частотными вторыми основами являются -род- (38), -риз- (22), -вод-/-вод' (15), -дѣј-/-дѣ- (13), -слов- (13), -да- (8), -люб- (7), -ден'/-дн- (6). Продуктивные первые основы композитов: благ- (5), пол- (3), прелюб- (3), сам- (3), брат- (3); частотные первые основы: Бог- (38), благ- (28), черн- (22), вој- (15), ино- (13), пол- (11), прелюб- (6).

Наиболее регулярными вторыми основами являются -дѣј-/-дѣ- и -люб-, при этом композиты с этими основами практически поровну распределились между полями деятеля и действия (*злодѣй – любодѣица – прелюбодѣичичь – прелюбодѣица – прелюбодѣянье – убийстводѣищи – чародѣиство – добродѣтели, братолюбьемь – братолюбьствъ – враждолюбьца – челоуколюбьць – челоуколюбью – женолюбьць*). Абсолютное большинство сложений с основой -дѣј-/-дѣ- содержит негативную религиозно-нравственную и социальную оценку, при этом, однако, вносит в семантику композитов полей деятеля и действия динамику. Композиты с осно-

вой -люб- амбивалентны, хотя в большей степени имеют положительную окраску с точки зрения христианского мировоззрения и развивают качественный характер семантики.

Наиболее регулярными первыми основами являются благ-, пол- и люб- (*Благоуощенье – благодать – благословенье – благоуханья – благочестию, полугривнь – полуденье – полудне – полуночь – полунощи, любодѣица – прелюбодѣичичь – прелюбодѣица – прелюбодѣянье*). Все композиты с основой благ- относятся к полю действия/состояния и имеют высокую религиозную семантику; при этом на фоне отвлеченного значения они развивают качественную или предметную семантику. Сложения с основой люб- в основном относятся к полю деятеля и несут негативную качественную оценку деятеля и его действий. Сложения с основой пол- (*полуденье – полудне – полуночь – полунощи – полугривнь*) чаще встречаются в словах, обозначающих время суток и метафорически перенесенных на стороны света. В первом случае они имеют отвлеченную семантику, а во втором приобретают конкретизированное значение.

Заключение

ПВА, будучи одним из ранних летописных сводов историко-религиозного содержания, насчитывает значительное количество композитов, возникших как результат перевода (калькирования) греческих слов религиозной тематики и представляющих особый пласт стилистически маркированной лексики, повлиявшей на формирование книжно-славянской культурной традиции [9, с. 85]. Используя терминологию И. Гофмана, можно сказать, что они формируют «первичные системы фреймов определенной социальной группы», которые «конституируют центральный элемент ее культуры» [5, с. 87]. Думается,

что именно так можно определить предназначение этих композитов, которые служат трансляторами основополагающих идей греко-христианской культуры.

В результате исследования обнаружилось преобладание сложений с семантикой деятеля, составляющих 54% именных композитов, что характерно для ранних летописных сводов [9, с. 86]. Остальные сложения относятся к полю действия/состояния (30%) и полю предмета/предметного действия (16%). При этом композиты поля действия/состояния главной целью имеют отражение ценностного восприятия мира в отличие от композитов поля деятеля, через свойственную средневековому сознанию оценочность которых проявляется специфика восприятия и осмысления человеком окружающего мира.

Обобщенные результаты фреймово-пропозиционального анализа демонстрируют преобладание событийных пропозиций над логическими. Среди СП наиболее частотны бытийные (простые пропозиции, основанные на априорном знании о субъекте существования), а также СП действия и состояния. ЛП представлены только качественной пропозицией характеристики, которая приписывает предмету или явлению определенный признак. В связи с этим на фоне преобладания композитов с конкретной семантикой наблюдается развитие отвлеченной и качественной семантики, а также тенденция к появлению обобщенных «терминологизированных» понятий. Присутствие, наряду с отвлеченностью, метафорических переносов в семантике композитов обуславливает их полипропозитивный характер и говорит об активном и разностороннем участии абстрактного мышления средневекового человека в процессе осмысления и именовании физических и абстрактных субъектов, а также о высоком лингвокреативном потенциале,

основанном на способности средневекового человека в равной мере порождать абстрактные понятия и оперировать ими.

Что касается частотных ЛСВ, реализованных в свернутых пропозициях и определяющих ведущие категории, которыми мыслит средневековый человек, то это: а) тот, кто делает что-то предосудительное, б) тот, кто выполняет какую-то функцию, в) внутреннее качество, наделенное признаком, г) действие (речь), наделенное признаком. Большинство ЛСВ имеет динамический характер, при этом деятельность, которая выходит на первый план и мотивируется непосредственно глаголом «делать», осуждается религиозным сознанием. При этом обнаруживается определенный баланс между словами, содержащими негативную морально-этическую оценку, и словами бытовой тематики, присутствие которых демонстрирует эволюцию в развитии семантики композитов, постепенно выходящих за рамки религиозного контекста [1].

Еще раз отметим, что все субъекты реализуемой в ПВА триады «Бог – человек – дьявол», а также их действия, качества и состояния представлены целым рядом синонимов, что все рассмотренные композиты структурируют весь окружающий мир в категориях «божественное – человеческое – дьявольское», включая деятеля, его действия, состояния, качества и пр. Эти категории, сосуществуя в средневековом сознании, обуславливают появление в нем представления о праведном (добре) – греховном (зле) и потребности оценивать окружающий мир в соответствии с этим представлением. Об особой значимости и экспрессивности компонентов этих категорий говорит наличие между ними синонимических и антонимических связей, что является свойством наиболее существенных элементов культуры.

Литература

1. Араева Л.А., Евсева И.В. Словообразование и синтаксис: типы пропозициональных структур // Сибирский филологический журнал. 2010. С. 145–150.
2. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 63–73.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998. 330 с.
4. Горяинова О.И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания // Культурологический журнал: сетевой журнал. 2010. № 1. URL: http://sr-journal.ru/files/file/02_2011_11_37_11_1297931831.pdf (дата обращения: 12.03.2020).
5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
7. Евсева И.В. Производное слово как единица хранения знания, структурированного во фрейм // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20 (235). С. 86–92.
8. Евсева И.В. Словообразовательный тип: когнитивное моделирование // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 3 (17). С. 70–75.
9. Ерофеева И.В. Сложные существительные в семантической структуре летописного текста // Ученые записки Казанского государственного университета. 2006. Т. 148, кн. 2. С. 85–98.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
12. Николаев Г.А. Способы древнерусского именного словообразования // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151, кн. 6. С. 115–121.
13. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с. (Литературные памятники).
14. Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс // Проблемы структуры и слов предложения. Пермь, 1974. С. 3–29.
15. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. 336 с.
16. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1988. 54 с.
17. Яценецкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1 (27). С. 167–192.

Literatura

1. Araeva L.A., Evseeva I.V. Slovoobrazovanie i sintaksis: tipy propozitsional'nykh struktur // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2010. S. 145–150.
2. Arutyunova N.D. O nominativnom aspekte predlozheniya // Voprosy yazykoznaniya. 1971. № 6. S. 63–73.
3. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka, ikh lichnostnaya i natsional'naya spetsifika: dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 1998. 330 s.

4. Goryainova O.I. Kul'tura povsednevnosti v kontekste metodologii kul'turologicheskogo poznaniya // Kul'turologicheskij zhurnal: setevoy zhurnal. 2010. № 1. URL: http://cr-journal.ru/files/file/02_2011_11_37_11_1297931831.pdf (data obrashcheniya: 12.03.2020).
5. Gofman I. Analiz frejmov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta. M.: Institut sotsiologii RAN, 2003. 752 s.
6. Dejk T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 s.
7. Evseeva I.V. Proizvodnoe slovo kak edinita khraneniya znaniya, strukturirovannogo vo frejm // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 20 (235). S. 86–92.
8. Evseeva I.V. Slovoobrazovatel'nyj tip: kognitivnoe modelirovanie // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2011. № 3 (17). S. 70–75.
9. Erofeeva I.V. Slozhnye sushchestvitel'nye v semanticheskoy strukture letopisnogo teksta // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. T. 148, kn. 2. S. 85–98.
10. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 s.
11. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znaniy. M.: Energiya, 1979. 152 s.
12. Nikolaev G.A. Sposoby drevnerusskogo imennogo slovoobrazovaniya // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. T. 151, kn. 6. S. 115–121.
13. Povest' vremennykh let / podgot. teksta, per., st. i komment. D.S. Likhacheva; pod red. V.P. Adrianovoj-Peretts. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Nauka, 1996. 668 s. (Literaturnye pamyatniki).
14. Sakharnyj L.V. Slovoobrazovanie kak sintaksicheskij protsess // Problemy struktury i slov predlozheniya. Perm', 1974. S. 3–29.
15. Tsejtin R.M. Leksika staroslavjanskogo yazyka. M.: Nauka, 1977. 336 s.
16. Shmeleva T.V. Semanticheskij sintaksis. Tekst lektsij. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj universitet, 1988. 54 s.
17. Yantsenetskaya M.N. Propozitsional'nyj aspekt slovoobrazovaniya (obzor rabot sibirskikh derivatologov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2014. № 1 (27). S. 167–192.

DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.02.P099

УДК 81'39

В.А. Ленинцева, М.В. Тохта-Ходжаева

ОБУЧЕНИЕ «КУЛЬТУРНОЙ» ЛЕКСИКЕ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Посвящено классическим проблемам лингвокультурологии, для которой принципиальное значение в контексте семиотического подхода к языку имеет прагматика языкового знака, а точнее, его тесная связь с культурой и возможность его интерпретации только в контексте определенной культуры или определенного этапа ее развития. Отмечено, что с развитием лингвокультурологии тесно связан лингвокультурологический подход в обучении иностранным языкам. Подчеркивается, что овладение фоновыми знаниями является важным компонентом лингводидактики с позиции лингвокультурологического подхода. Делается вывод, что лексика с национально-культурной семантикой относится к наиболее значимым разделам лингвокультурологического инструментария в процессе освоения фоновых знаний.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайский язык, лингводидактика, культурная лексика, культурный фон, экстралингвистические знания, этнолингвистическая ментальность.